

РАБОЧАЯ ПОЛИТИКА Ф. РУЗВЕЛЬТА (1933—1940 гг.)

В. Л. Мальков

Рабочая политика правительства Ф. Д. Рузвельта, являющаяся, по существу, осью «нового курса» в области внутренних дел, еще не стала объектом специального исследования советских историков. Что же касается буржуазной историографии этого вопроса¹, то проводимый ею анализ обычно не выходит за рамки рационалистической спекуляции, игнорирующей реальные связи и действительные соотношения между классовой борьбой и буржуазным реформизмом, который выдается за источник бесконечного процесса самосовершенствования буржуазных общественных институтов. Существует и другая точка зрения, внешне диаметрально противоположная изложенной выше. Некоторые исследователи полагают, что уступки, вырванные рабочими в жестокой борьбе с капитализмом, в конечном счете толкнули рабочее движение США на ложный, иллюзорный путь, ослабив присущий ему в 30-х годах внутренний динамизм. И хотя этот взгляд нельзя отметить как полностью необоснованный, все же над ним довлеет картина относительно мирного развития современного рабочего движения США. Согласившись с этой точкой зрения, нужно будет признать, что «новый курс» принес выгоды только буржуазии, что всякое стремление к частичным реформам лишено смысла, если иметь в виду перспективы борьбы за ликвидацию капиталистической эксплуатации.

Придав «новому курсу» видимость надклассовости, американская буржуазия стремилась прежде всего завуалировать свои цели и таким образом породить у рабочего класса неверное представление о том, кто же на самом деле определяет правительственную политику, чьи интересы она выражает. Но практика рабочего движения свидетельствует о другом. Завоеванные уступки способны послужить новым стимулом для движения, показывая эффективность объединенных действий рабочих, пробуждая сознание отсталых слоев, создавая лучшие условия для борьбы против монополистической буржуазии. Все дело в желании и умении использовать реформу, даже самую незначительную, в целях укрепления позиций рабочего класса, расширения и углубления рабочего движения.

Но это лишь одна сторона вопроса. Обострение всех противоречий американского капитализма в 30-х годах, постоянное нарастание напря-

---

¹ Из числа сравнительно недавно опубликованных работ, непосредственно относящихся к интересующей нас проблеме, назовем следующие: J. Bernstein. *The New Deal Collective Bargaining Policy*. Berkeley. 1950; M. Derber and E. Young, eds. *Labor and the New Deal*. Madison. 1957; W. Galenson. *The CIO Challenge to the AFL: A History of the American Labor Movement 1935—1941*. Cambridge. 1960; M. Karpelma n. *The Communist Party versus the CIO: A Study in Power Politics*. New York. 1957; B. Newell. *Chicago and the Labor Movement Metropolitan Unionism in the 1930*. Urbana. 1961; M. Kempton. *Part of Our Time: Some Ruins and Monuments of the Thirties*. New York. 1955; J. Seidman. *American Labor from Defense to Reconversion*. Chicago. 1953.

женности основного классового антагонизма заставили буржуазию не только прибегнуть к активному вмешательству государства в экономическую жизнь, но и пойти в известных пределах на модификацию традиционных экономических и политических институтов. С невиданными ранее поспешностью и усердием была проведена серия мероприятий, в итоге превративших буржуазное государство из простого стража интересов эксплуататорских классов в такую силу, которая, по-прежнему находясь на службе капитала, облачилась в одежды «беспристрастного арбитра», пекущегося об «общем благе», о «гармонических взаимоотношениях» между основными классами американского общества. В настоящей статье мы ставим себе цель в общих чертах выяснить исторические условия появления правительственного «патернализма» в том виде, в котором он воплотился в рабочей политике «нового курса» Ф. Рузвельта.

Ф. Рузвельт был избран президентом США в ноябре 1932 г., когда страна была на грани самых серьезных социальных потрясений. Около 20 млн. рабочих и служащих годами не имели работы. Правительство Гувера действовало почти по Мальтусу, утверждавшему, что лауперизм есть «вечный закон природы», в связи с чем государству ничего больше не остается, как предоставить бедноту ее собственной участи. Преемник Гувера встал на иной путь. Рузвельт четко представлял себе, что нищета в США превратилась в национальную проблему, которая неизбежно должна стать объектом деятельности широко разветвленной администрации.

Народ не просто жаждал перемен, он добивался их. Рост радикальных настроений Рузвельт решил «убить мягкостью», пытаясь убедить трудящихся страны и прежде всего рабочих в том, что правительство стоит выше классов, что оно готово «изгнать менял из храма» и тем самым оздоровить экономику, что оно служит не интересам биржевых спекулянтов, а интересам народа и справедливости. Возможности для маневрирования не были утрачены окончательно: политическая жизнь США, засоренная всякого рода буржуазными и националистическими предрассудками, оказывала тормозящее действие на рост сознательности рабочего класса — вот почему и в самые тяжелые годы экономического кризиса большинство рабочих видело противовес реакционной политике Гувера в «экспериментальной программе» демократов, весьма неопределенной, если иметь в виду ее позитивную сторону. В 1932 г., пообещав в самых общих выражениях оказать материальную помощь безработным и разоряющимся фермерам², заручившись моральной и материальной поддержкой наиболее влиятельных финансово-промышленных групп и великолепно используя все преимущества, которые создает для буржуазии двухпартийная система, Рузвельт без особых усилий добился решающего перевеса в избирательной кампании 1932 года. Сочувствие демократам со стороны масс возрастало тем более, чем ожесточеннее становилась их полемика против ненавистного народным массам режима Гувера³. Понимая это, лидер демократической партии в 1932 г. не считал необходимым наперед связывать себя определенными обещаниями социальных реформ и не особенно энергично добивался поддержки профсоюзов⁴. Однако сравнительно легкая и внушительная победа, одержанная

² D. R. Fusfeld. *The Economic Thought of F. D. Roosevelt and the Origins of the New Deal* New York. 1959, p. 301.

³ Лидер социалистической партии Н. Томас, баллотировавшийся в 1932 г. в качестве кандидата на пост президента, после выборов заявил: «Повсюду множество людей говорили мне, что они верят каждому моему слову, однако тут же признавались, что будут голосовать за Рузвельта только для того, чтобы обеспечить поражение Гувера...» (New York Public Library (далее NYPL). N. Thomas Papers. Letters, Statements. November 9, 1932).

⁴ См. L. B. Wehle. *Hidden Threads of History. Wilson through Roosevelt*. New York. 1953, pp. 106—108; «F. D. Roosevelt. His Personal Letters. 1928—1945». Vol. 1. New York. 1950, pp. 316, 505.

демократами на выборах 1932 г., не смогла дезориентировать Рузвельта в оценке действительного соотношения классовых сил. Новый президент был достаточно хорошо осведомлен о настроениях в промышленных центрах и фермерских округах, чтобы питать иллюзии в отношении популярности своей собственной и платформы той партии, которую он представлял. Общий тон профсоюзной печати был крайне сдержанным. Газета влиятельного профсоюза шахтеров заявляла, что «если... народ окажется разочарованным в политике Рузвельта, трудно сказать, что может случиться»⁵. Почта президента и канцелярии министерства труда были наводнены посланиями рабочих и безработных, требовавших быстрой реакции на нужды экономического и социального развития. Тон этих писем и многочисленных резолюций, датированных первыми днями пребывания Рузвельта в Белом доме, был требовательным, подчас резким. Ничего похожего на жалобу, на смиренную мольбу о помощи, напротив, это скорее энергичный призыв действовать, содержащий в себе все признаки скрытой угрозы⁶.

Рузвельт не мог не чувствовать, что издержки, которые повлечет за собой промедление с реформами, могут быть слишком высоки; кризис был чрезмерно дорогостоящим уроком. «Еще четыре года бездарного руководства Гувера, или, лучше сказать, отсутствие всякого руководства, повлекут за собой непоправимую катастрофу», — писал Рузвельт в июне 1932 года⁷. В 1936 г. он вновь возвратился к тому же вопросу, уже привлекая в качестве дополнительного свидетельства своей правоты международный опыт. На одной из пресс-конференций президент говорил: «Предположим, Гувер остался бы президентом до апреля 1936 г., продолжая свою политику; другими словами, не было бы сделано ни шага в сторону принятия системы социального страхования, фермы остались бы без помощи, по-старому процветал бы детский труд, а продолжительность рабочего времени сохранялась на прежнем уровне, не были бы приняты законы о пенсиях по старости. В этом случае мы бы в апреле этого года имели ту же ситуацию, с которой столкнулся Л. Блум, когда он пришел к власти»⁸. Рузвельт имел в виду успехи Народного фронта во Франции. Возникшая аналогичность исторических явлений, разумеется, не означала еще их тождественности, но уже в самом заявлении Рузвельта сквозило признание вероятного исхода в виде серьезной перегруппировки политических сил внутри страны, вполне сопоставимой с европейским опытом и определяемой равнодействующей классово-вой борьбы.

В июне 1933 г. по инициативе правительства конгресс принял закон о восстановлении промышленности (НИРА), регламентировавший конкурентную борьбу и условия найма рабочей силы в рамках так называемых «кодексов честной конкуренции». Новое законодательство в известной степени отвечало интересам рабочих, хотя частые нарушения общего закона в очень многих случаях сводили выигрыш рабочих на нет⁹. Правительство еще раз обещало в будущем заняться вопросом о социальном страховании по безработице. Серьезной уступкой требованиям рабочих, несмотря на все содержащиеся в нем противоречия и недоговоренности, являлся известный пункт 7(а) НИРА, декларировавший право рабочих на организацию в профсоюзы «по их собственному выбору»¹⁰.

⁵ См. «United Mine Workers Journal», March 1, 1933, p. 6.

⁶ National Archives (далее NA). US Department of Labor. Office of the Chief-Clerk. № 16, 285.

⁷ «F. D. Roosevelt. His Personal Letters, 1928—1945». Vol. I, pp. 281—282.

⁸ Th. H. Greer. What Roosevelt Thought. The Social and Political Ideas of Franklin D. Roosevelt. East Lansing. 1958, pp. 210—211.

⁹ См. Library of Congress. J. P. Frey Papers. Box 22. Notes and Articles. Book № 2, p. 5; American Federation of Labor. Proceedings, 1935, p. 38; B. Mitchell. Depression Decade. New York. 1947, p. 284.

¹⁰ «U. S. Statutes at Large». XLVIII, p. 195; I. B e r n s t e i n. Op. cit, p. 31.

Однако проблема безработицы оставалась самой важной и острой. Временные и весьма незначительные результаты, которых удалось достигнуть за счет увеличения прямой помощи и содействия развитию общественных работ, обесценивались происходившим параллельно удорожанием жизни¹¹. Во многих местах «новый курс» не принес ничего, кроме надежд на перемены. Почта президента Рузвельта и министерства труда служит лучшим подтверждением этого¹². Предприниматели по своему усмотрению перекраивали кодексы и яростно сопротивлялись попыткам рабочих воспользоваться правом, декларированным пунктом 7(а) НИРА¹³. Надо сказать, что сам Рузвельт вовсе не разделял энтузиазма трудящихся, усмотревших в рабочих статьях НИРА свидетельство расположения правительства к профсоюзам. В мае 1934 г. президент с раздражением заявил журналистам, что ему глубоко безразлично, что предпочтут рабочие: профсоюз или королевское географическое общество¹⁴.

Так или иначе, выбор был сделан: либерализм был провозглашен знаменем национальной политики. При этом Ф. Рузвельт многое почерпнул из того идейного и политического наследия, которое оставили ему столпы буржуазного реформизма в США Т. Рузвельт и В. Вильсон. И точно так же, как и его предшественники, Рузвельт видел в рабочем движении лишь неизбежное зло, но коль скоро оно существовало и даже угрожало устоям капиталистического порядка, с ним, как он полагал, необходимо было не только считаться, но и попытаться его «приручить». Неудовольствие Рузвельта всегда вызывали крайности эксплуатации, но не столько потому, что они бесчеловечны сами по себе, сколько потому, что они вызывают ответную реакцию, характер которой не всегда можно предугадать¹⁵. Он порицал отдельные группы промышленных магнатов за эксцессы промышленного угнетения, за их бьющие в глаза враждебность, нетерпимость и заносчивость в отношении рабочих и профсоюзов. Не удивительно, что те в ответ платили ему неприязню, упрекали Рузвельта в повышенной чувствительности к рабочему движению, сокрушались по поводу несоразмерности его «симпатий», обвиняли его даже в угодничестве перед рабочими и в прочих грехах, вплоть до социалистических побуждений. Но ни сам Рузвельт, ни члены его «мозгового треста» не заслужили этого «обвинения». Их помыслы сосредоточивались не на укреплении позиций рабочего движения за счет капитала, а в конечном итоге на сохранении всех преимуществ последнего в экономике и политике. Негодуя по поводу непонимания частью буржуазии истинного характера проводимого им курса, Рузвельт как-то воскликнул: «Именно наше правительство спасло систему частной собственности и свободного предпринимательства, после того как она сползла на грань полного развала!»¹⁶.

К немалому огорчению Рузвельта первые реформы «нового курса» не только не сбили поднимавшуюся волну массового движения среди рабочих, занятых в промышленности и на транспорте, но и стимулиро-

¹¹ NA. File Room Secretary Ickes Office (Part I). Miscellaneous Correspondence. R. La Follet to F. Roosevelt. June 8, 1933; N. Thomas Papers. D. Plotkin to N. Thomas, January 5, 1933.

¹² NA. General Records of the Department of Labor. 167/2505—167/2585. Box № 162. Maintenance of Way Employees (Alabama) to F. Roosevelt and F. Perkins. November 29, 1933; V. Doritch to F. Roosevelt. October 30, 1933, etc.

¹³ New York State School of Industrial and Labor Relation (далее NYSSILR) International Union of Mine, Mill and Smelter Workers (L. McLenegan Papers). L. McLenegan to Ch. Whiteley. April 23, 1934; N. A. General Records of the Department of Labor 167/2505—167/2585. Box 162. R. B. Stuart to F. Perkins. November 20, 1933, etc.

¹⁴ R. Moley. After Seven Years. New York. 1939, p. 13; «F. D. Roosevelt. The Public Papers and Addresses». Vol. 1—9. New York. 1938—1950. Vol. 111, p. 301 (далее «Public Papers»).

¹⁵ A. B. Rollins, Jr. Roosevelt and Howe. New York. 1962, p. 140.

¹⁶ «Nothing to Fear». The Selected Addresses of F. D. Roosevelt, 1932—1945. Cambridge. 1946, p. 60.

вали их активность. С 1933 г. кривая стачечного движения неуклонно и круто ползла вверх. Первые годы нового подъема рабочего движения, несмотря на отдельные неудачи, послужили хорошей школой борьбы, способствовавшей росту классового самосознания, обогащению всего движения наступательным духом. Антимонополизм стал неотъемлемым элементом миропонимания рабочих. Коммунисты и другие левые рабочие организации проявили себя мужественными и стойкими бойцами, умелыми руководителями ширившейся борьбы за справедливые требования рабочих, за право на организацию в профсоюз. Усиление стачечного движения совпало с активными выступлениями безработных, на которых особенно сильно влияли выступления компартии. В 1934 г. член палаты представителей от рабоче-фермерской партии Миннесоты Э. Ландин внес в конгресс законопроект о социальном страховании по безработице, предложенный компартией и вскоре ставший знаменем широкого движения безработных¹⁷.

Именно в 1934—1935 гг. правительство «нового курса» подверглось жестоким нападкам со стороны крайне правого крыла буржуазии, обвинявшего Белый дом в недостатке решимости в борьбе с опасностью радикализма. Однако, несмотря на настоячивые требования со стороны ряда ближайших советников прибегнуть к насилию в качестве средства социального умиротворения¹⁸, Рузвельт остался верен себе, предпочитая до известного момента реформы пулеметным командам и тюремным камерам для «радикалов». Осенью 1936 г. в одном из публичных выступлений Рузвельт в порядке подтверждения собственной правоты вновь сослался на то место в своей чикагской речи 1932 г., где он отвергал методы грубого насилия как единственное средство борьбы с радикализмом, и добавил: «Мы были против революции, поэтому мы объявили войну против тех условий, которые порождают революции...»¹⁹. Означает ли это, что Рузвельт раз и навсегда отказался от применения методов насилия для подавления выступлений против того строя, который он защищал? Разумеется, нет. 13 ноября 1940 г. президент писал С. Розенману: «Если говорить о внутренних делах, то я, как Вы знаете, живу в постоянном страхе, что интересы национальной безопасности могут в определенных обстоятельствах заставить прибегнуть к быстрым и решительным действиям. Вы и я неоднократно становились лицом к лицу с этой возможностью начиная с 1928 г., и был ряд случаев, когда как в Олбэни, так и в Вашингтоне потребовалось большое самообладание для того, чтобы не вызвать войска. Кое-кто плохо понимает, почему я должен принимать на себя оскорбления и критику за пассивность во время стачки на автомобильных заводах во Флинте». Но «разумеется,—замечал в том же письме Рузвельт,—никто не может дать гарантии на будущее»²⁰.

По отношению к рабочему движению он мог быть «беспристрастным», лояльным, даже «сочувствующим», но всегда в таких пределах, которые, укрепляя его (Рузвельта) репутацию «друга рабочих», в то же время не наносили урона основным позициям капитала. Брожение под поверхностью, как полагал Рузвельт, всегда опаснее, чем легитимное движение, возглавляемое испытанными на верность буржуазному правопорядку «рабочими вождями». «Открытый кратер», дающий выход страстям, внушал ему куда меньше тревог, чем сдерживаемое и подавляемое любимыми средствами недовольство миллионов людей, угнетенных нищетою, «которые не будут вечно молчать»²¹. И вместе с тем либерализм

¹⁷ См. «Daily Worker», January 27, February 5, 1934.

¹⁸ A. M. Schlesinger, Jr. The Coming of the New Deal. London. 1960. pp. 388—389.

¹⁹ Th. H. Greer. Op. cit., p. 39.

²⁰ «The Roosevelt's Letters. Being the Personal Correspondence of F. D. Roosevelt». Vol. 3. 1929—1945. London. 1952. p. 338.

²¹ «Public Papers». Vol. I, p. 646.

Рузвельта хорошо уживался с прирожденной страстью к сложным комбинациям, целью которых было стремление занять выгодную позицию, а затем в подходящий момент оказать решающее давление на общественные силы, угрожающие устойчивости капиталистических порядков и всевластию двухпартийной системы²². Взвесьте все, если ставите перед собой задачу достичь важной цели, наставлял Рузвельт слушателей военной академии в Вест-Пойнте. Организуя взаимодействие флангов в ваших политических порядках, сначала сообразуйтесь с позицией правого крыла и следом за тем — левого. «Чувство пропорции — крайне важно»²³.

Итак, интерес Рузвельта к рабочему вопросу определялся прежде всего его пониманием социальных и экономических задач, вставших перед американской буржуазией, а также его оценкой политических выгод, которые могла бы иметь правящая партия в случае поддержки требований профсоюзов. Приглашая профлидеров на завтраки в Белый дом, консультируясь с ними, Рузвельт заботился прежде всего о популяризации предложенной им программы, о том, чтобы удержать рабочее движение в русле либеральной буржуазной политики. Приблизив к себе реформистских лидеров и завоевав их доверие, президент сумел составить весьма четкое представление о реальных возможностях различных течений в руководящих сферах американского профдвижения. Он не питал особой отчужденности к быстро оперившейся «левой» оппозиции в руководстве АФТ, возглавленной Дж. Льюисом и С. Хилмэнном, которая, как полагали многие буржуазные политики, встала на путь «взрывного действия», делающего бесперспективными всякие попытки капитала договориться с ней. Напротив, Рузвельт стремился использовать их в интересах реализации собственных политических замыслов и охотно пользовался поддержкой этой группы лидеров, несмотря на их кажущуюся революционность²⁴. Одновременно он не упускал из поля зрения и «тори» из АФТ, хотя и отводил им второстепенную роль в вопросах рабочей политики²⁵. Профсоюзное движение далеко не сразу преодолело ограничения ему в 1933 г. известных конституционных гарантий приобрело значительный политический вес. Долгое время все преимущества оставались на стороне крупных финансово-промышленных группировок. Без мощного демократического подъема, без широчайшего распространения антимонополистических настроений, охвативших страну в 30-х годах, профсоюзы не смогли бы значительно укрепить свои позиции. Они все еще оставались малочисленными и в силу буржуазного мирозерцания, а также исторически сложившейся архаичной организационной структуры распыленными, что крайне отрицательно сказывалось, когда дело касалось борьбы за общенациональные интересы рабочего класса. Процесс изживания этих пороков, заметно продвинувшийся вперед со второй половины 30-х годов, и поныне остается незавершенным. Многие из этих слабостей,

²² Интересно в этой связи письмо Ф. Рузвельта в Сиэттл своему родственнику, начинающему буржуазному деятелю, в котором президент предлагал свой план нейтрализации левого крыла местного рабочего движения, выступавшего под лозунгами классовой борьбы с капиталом (см. «F. D. Roosevelt. His Personal Letters, 1928—1945». Vol. I, p. 687).

²³ «New York Times», June 13, 1935.

²⁴ Рузвельт отлично видел, что они сумели найти общий язык с массами, подстроиться к их настроениям, усвоив радикальную фразеологию, которая подчас заставляла внутренне содрогаться закоснелых консерваторов типа У. Грина и М. Уолла, но никогда не вводила в заблуждение его самого. «Симпатии» Рузвельта к лидерам КПП объясняются влиянием последних среди миллионов рабочих основных отраслей, представляющих сравнительно однородную, компактную группу в социальной структуре населения США, голоса которых многократно перекрывали ограниченные возможности распыленных цеховых союзов как политического фактора. «New York Times» писала в 1936 г.: «...по рабочим проблемам администрация предпочитает обращаться за советом к Хилмэну с большей охотой, чем к кому-либо из старорежимных лидеров АФТ» («New York Times», August 3, 1936).

²⁵ J. P. Frey Papers, Box 9. R. Hoover to J. P. Frey, June 8, 1938.

замедлявших высвобождение энергии американского профдвижения, были очевидны для каждого, постоянно давая себя знать в ходе классовых битв. Достаточно сказать, что широкое движение за организацию производственных профсоюзов, начавшееся в 1933 г. и позволившее рабочим США добиться важных завоеваний, тем не менее вплоть до 1936—1937 гг. оставалось децентрализованным.

Недуги рабочего движения не составляли секрета для Рузвельта; более того, учитывая их, он и строил свою тактику. В тех случаях, когда соотношение сил складывалось явно не в пользу профсоюзов, Рузвельт, не колеблясь, становился на сторону монополий. Так было, например, в 1934 г., когда президент, выступив заодно с автомобильными магнатами, сорвал всеобщую стачку рабочих автомобильной промышленности и, отвергнув слабые поползновения АФТ достичь компромисса в выработке «автомобильного кодекса», буквально навязал рабочим условия, продиктованные монополиями²⁶. Такое «расхождение во взглядах» было столь неожиданным, что «New York Times» предрекла неминуемый разрыв между Рузвельтом и профсоюзами, а либеральный журнал «Nation» писал о конце эры «нового курса»²⁷.

В первый срок своего президентства (1933—1936 гг.), когда влияние «нового курса» в конгрессе было неоспоримым, Рузвельт скорее тормозил расширение социального законодательства, чем содействовал его успеху, хотя, казалось бы, ситуация складывалась крайне благоприятно для администрации²⁸. Английская «Times», непредвзято оценивая политический климат в США весной 1935 г., писала, что в стране «наличествует широко распространенное и растущее убеждение... что он (Рузвельт.— В. М.) утратил свой былой энтузиазм в отношении социальной реформы»²⁹. Нерешительность администрации становилась все более заметной на фоне роста радикальных настроений в стране. Рабочие выступали в защиту последовательного курса на социальный прогресс, против затяжек в проведении демократических реформ. За каждой отсрочкой чудилось возвращение старых времен, а этого рабочий класс был полон решимости не допустить. «Я предупреждаю Вас, м-р президент,— писал рабочий из штата Пенсильвания весной 1934 г.,— что американский народ утратит веру в Вас, если Вы приостановите борьбу с кровопийцами, называемыми американскими капиталистами... Народ не желает больше подыхать с голоду, когда кругом такое богатство. Чего Вы боитесь, м-р президент? Весь американский народ готов поддержать Вас в борьбе... Кровопийцы — демократы и республиканцы,— они же капиталисты, делают все возможное, чтобы добиться Вашего поражения, и, напротив, простые люди в обеих партиях избрали Вас. Поэтому не предавайте их, как это сделали все другие президенты»³⁰. С конца 1934 г. на арене классовых битв возникает новая ситуация. Намерения правительства с начала 1935 г. сложить с себя значительную часть забот о социальной помощи привели к быстрой консолидации и организационному укреплению движения безработных³¹. К концу 1935 г. было принято принципиальное решение об объединении многочисленных организаций безработных в единую силу, возглавляемую коммунистами и социалистами³². Главное же, страна стояла перед перспективой гигантских все-

²⁶ «Mississippi Valley Historical Review», June, 1958, p. 26.

²⁷ «New York Times», February 1, 3, 5, 1935; «Nation», February 20, 1935, pp. 208—209.

²⁸ Большое давление на Рузвельта в этом отношении оказывали влиятельные финансово-промышленные круги, особенно на северо-востоке страны (Wisconsin Historical Society Library (далее WHS). R. Robins Papers. Box 27. G. W. Lawrence to R. Robins. December 3, 1935).

²⁹ «Times», June 22, 1935.

³⁰ NA. General Records of the Department of Labor. 167/2826—167/2929. Box 166. Marko S. Stoianoff to F. Roosevelt, March 17, 1934.

³¹ См. «Workers Alliance», 1935, Vol. I, №№ 5, 6.

³² Ibid., 1936, № 9.

общих забастовок в основных отраслях промышленности. Таким образом, в преддверии избирательной кампании 1936 г. правящая демократическая партия оказалась перед альтернативой: следовать ли давней традиции консервации политического курса до выборов или же, не убоившись сопротивления реакции, продвигаться в том направлении, выбор которого был предопределен состоянием экономики и расстановкой классовых сил. Из двух возможных решений Рузвельт выбрал последнее.

Во второй половине 1935 г., не посчитавшись с сильной оппозицией в конгрессе, президент решился не без внутренних колебаний на проведение ряда мероприятий, окрасивших наконец «новый курс» в те цвета, на которые он с самого начала претендовал. Весной и летом 1935 г., игнорируя позицию Торговой палаты³³ и Верховного суда, по требованию крупного капитала аннулировавшего НИРА, Рузвельт предпринял длительную осаду упорствующего конгресса. «Социальные волнения и усиливающееся ощущение несправедливости,— говорилось в послании президента конгрессу в июне 1935 г.,— это опасности, которые мы должны уменьшить с помощью решительных мероприятий»³⁴. Внезапная активность администрации в защите прогрессивных законопроектов, которые она сама в течение длительного времени блокировала, открыла новый период в законодательной инициативе правительстве «нового курса», получивший в прессе название «вторые сто дней». Под нажимом администрации палаты конгресса проголосовали за законопроекты Вагнера о трудовых отношениях, окончательно закрепившие право рабочих на организацию в профсоюз и коллективный договор, о социальном страховании по старости и безработице³⁵, за билль Гаффи о правительственном контроле над угольной промышленностью. Почти 5 млрд. долл. было ассигновано на развитие общественных работ, приняты меры по трудоустройству молодежи, утвержден закон о налогообложении крупных состояний. В припадке слепой ярости реакционная «Chicago Daily Tribune» 10 июня 1935 г. возвестила, что целью всех этих мер является «не восстановление, а революция».

Различные недоумения вызывает у буржуазных историков тот факт, что в июне 1935 г. правительство и законодатели одобрили радикальные билли, шансы которых на прохождение через конгресс еще недавно равнялись нулю³⁶. Разумеется, разгадку следует искать не в случайных обстоятельствах. В эволюции «нового курса» ярко проступает связь между развитием движения народных масс, ростом их активности и изменениями в политике буржуазии. Именно усиление демократического движения и быстрый подъем организованной борьбы рабочего класса придали динамическую силу тому, что получило название «второго нового курса». Почта президента отражала резкое размежевание политических симпатий даже в границах одного предприятия: рабочие с редким единодушием поддерживали кандидатуру Рузвельта, управленческий же аппарат, напротив, в большинстве случаев был против нее³⁷.

На выборах осенью 1936 г. реакция решила взять реванш. Но ее нападки на «новый курс» заставили поборников либерализма искать более тесного сотрудничества с рабочим классом, фермерством, демократически настроенными мелкобуржуазными слоями городского населения. Ускорился процесс складывания организационно не оформленной демократической коалиции «нового курса», по своему классовому харак-

³³ «Public Papers». Vol. IV, p. 162.

³⁴ См. «Правда», 22 июня 1935 года.

³⁵ «New York Times» 19 июня 1935 г. писала, что утверждение законопроекта Вагнера целиком определялось потенциальной угрозой рабочих волнений. Принятие закона Гаффи сняло вопрос о всеобщей забастовке шахтеров.

³⁶ См., например, W. E. Leuchtenburg. Franklin D. Roosevelt and the New Deal, 1932—1940. New York. 1963, p. 151.

³⁷ NA. General Records of the Department of Labor. 167/3274—167/3369. S. Rogers to F. Roosevelt. September, 1936, etc.

теру сходной с движением Брайанса и Лафолетта и имеющей немало общих черт с движением антифашистского народного фронта в Европе³⁸. У. Фостер справедливо отмечал, что американский рабочий класс не играл руководящей роли в этой коалиции — она принадлежала либерально настроенным слоям мелкой, средней и части крупной буржуазии. Это обстоятельство объясняет нечеткость, расплывчатость идейно-политической оболочки всего антимонополистического движения, его непоследовательность, срывы и поражения. Ставший к тому времени фактом раскол профсоюзного движения (1935 г.) осложнил обстановку. Образовавшийся Комитет производственных профсоюзов (КПП) открыто объявил о разрыве с тактикой АФТ, препятствовавшей вовлечению в профсоюзы миллионов неорганизованных рабочих, и начал широкую кампанию за организацию в профсоюзы рабочих основных отраслей промышленности. От того, на чьей стороне будет поддержка Рузвельта, зависело многое. Официально правительство держалось в стороне от разгоравшегося конфликта между производственными союзами и корпорациями. Однако за кулисами его представители плели сложную интригу, стремясь добиться примирения между лидерами КПП и монополиями, заодно остерегаясь пробудить у руководства АФТ подозрения в особом покровительстве «нового курса» инсургентскому течению с тем, чтобы избежать раскола голосов рабочих на выборах 1936 года³⁹.

Сплочение демократических сил обеспечило выдающуюся победу Рузвельту. Главный вклад в нее внесло организованное рабочее движение⁴⁰, которое, став важнейшей массовой опорой «нового курса», так и не приобрело, однако, права решающего голоса. Эта двусмысленность, противоречивость положения рабочего класса объясняет известную особенность избирательной платформы Рузвельта в 1936 г.: лидер демократической партии был по-прежнему необычайно скуп на обязательства⁴¹. Мандат, единодушно выданный Рузвельту рабочими, остался как бы незаполненным. Эта неопределенность в свою очередь давала повод для сомнений в демократических кругах по поводу истинных планов Рузвельта. Многие искренние приверженцы «нового курса» считали, что дух либерализма легко мог выветриться из правительственных сфер, стоило ослабеть нажиму со стороны рабочего движения⁴². В середине 30-х годов профсоюзы выдвигали требование концентрации усилий федерального правительства на помощи безработным, строительстве жилищ для нищих; прогрессивные круги настаивали на принятии четкой, глубокой и хорошо спланированной программы борьбы с надвигающимся новым кризисом⁴³. Однако власти провозгласили, что война с депрессией окончена, а программа реформ завершена⁴⁴. Безработные первыми ощутили на себе «новый подход» администрации: сразу же после выборов общественные работы начали свертываться. Недовольство в рабочих массах не замедлило сказаться, что проявилось в активизации их действий на политической арене. Созданная профсоюзами американская рабочая пар-

³⁸ У. Фостер. Очерк политической истории Америки. М. 1953, стр. 592—593.

³⁹ J. P. Frey Papers. Box. 22. Miscellaneous. Notes and Articles. Book № 3, July 26, 1936.

⁴⁰ Лидеры демократической партии в промышленных штатах открыто признавали решающую роль, которую подчас играли профсоюзы в мобилизации сил сторонников Рузвельта в ходе кампании 1936 г. (WHS. A. Gumberg Papers. E. M. Swasey to A. Gumberg, July 29, 1936). С. Хилмэн целиком посвятил себя кампании переизбрания Рузвельта на пост президента (ACWA. Hillman Papers. Hillman to R. Gordon Wagonet. October 14, 1936).

⁴¹ «Public Papers». Vol. V, p. 13; «Current History», August, 1936, p. 53.

⁴² International Ladies Garment Workers Union (ILGWU). Proceedings, 1937, p. 185; WHS. A. Gumberg Papers. A. Gumberg to R. Robins. March 5, 1935.

⁴³ «Capital Times», Madison, April 21, 25, 1938; «New York Times», April 21, 25, 1938.

⁴⁴ «Public Papers». Vol. IV, pp. 352—353, 357.

тия штата Нью-Йорк (АРП) ⁴⁵ оказала большую услугу Рузвельту, мобилизовав голоса рабочих в поддержку его кандидатуры в 1936 г., но мысль о том, что его переизбрание могло послужить процессу кристаллизации самостоятельной политической организации рабочего класса, казалась невероятной для Рузвельта. Едва отпраздновав победу, штаб-квартира демократов — Таммани-Холл — занялась сживанием со света неприятного союзника ⁴⁶.

Хотя основатели и лидеры АРП всячески подчеркивали свою преданность Рузвельту как национальному лидеру, в самом создании партии до некоторой степени воплотилась «идея независимой политической организации рабочих» ⁴⁷ и сквозил явный намек на то, что такая идея может быть осуществлена с целью дальнейшего развития тех успехов, которых добилось рабочее движение в первый срок пребывания Рузвельта у власти ⁴⁸. Дружественному акту С. Хилмэна, Д. Дубинского и А. Роуза (лидеров союза швейников, дамских портных и шляпников), выступивших с инициативой создания АРП, но намеревавшихся втайне превратить ее в простой придаток демократической партии, Рузвельт дал более широкое толкование. Для него это было еще одним проявлением «постоянной угрозы возникновения третьей партии», устранить которую можно было, лишь прибегнув к буржуазному реформизму ⁴⁹. Опасения Рузвельта были не беспочвенны. Уже начиная с 1932 г. внутри американского рабочего движения шли оживленные дебаты вокруг вопроса о создании рабоче-фермерской партии. Приверженцев этой идеи, как показал съезд АФТ в Атлантик-Сити (1935) ⁵⁰, становилось все больше. Популярность лозунга создания третьей партии, возросшая после выборов 1936 г. (о чем свидетельствовали опросы общественного мнения) ⁵¹, все большая радикализация средних слоев приобрели для лидеров демократов особый смысл в свете серьезных конфликтов, которые произошли у администрации «нового курса» с левым крылом американского рабочего движения в 1937 и 1938 годах. Корпорации повели яростную лобовую атаку на профсоюзы в основных отраслях, стремясь любой ценой и любыми средствами помешать им воспользоваться предоставленным законом правом организации рабочих. Профсоюзное движение, в особенности его прогрессивная часть в лице КПП, было крайне заинтересовано в этот период в доброжелательной позиции Белого дома. Однако правительство оставило без внимания рекомендации профсоюзов по вопросам внутренней политики ⁵². Именно к этому времени относится интервью Д. Льюиса редактору журнала «Common Sense», в котором он прозрачно намекнул на возможную переориентацию профдвижения в пользу создания рабоче-фермерской партии ⁵³. Еще более многозначительным представляется содержание беседы Льюиса с руководителями движения безработных социалистом Д. Лассером и коммунистом Г. Бенджамином. В конфиденциальном письме к лидеру социалистической партии Д. Лассер сообщил, что в ходе беседы Льюис высказался (хотя и весьма сдержанно) за организационные меры по созданию широкого автономного

⁴⁵ M. Josephson. Sidney Hillman. Statesman of American Labor. New York 1952, p. 395.

⁴⁶ ILGWU. Proceeding, 1937, p. 322.

⁴⁷ «Report of the General Executive Board to the Twelfth Biennial Convention of the Amalgamated Clothing Workers of America». Atlantic City. 1938, pp. 68—69.

⁴⁸ «New York Times», November 7, 13, 1936; S. B. Sarason. The Struggle for Control of the American Labor Party, 1936—1948. Columbia University. 1948; N. Thomas Papers. Box 22. The Kiplinger Washington Letters, July 11, 1936.

⁴⁹ «F. D. Roosevelt. His Personal Letters, 1928—1945». Vol. II, p. 827.

⁵⁰ AFL. Proceedings, 1935.

⁵¹ H. Cantil and M. Strunk (eds.). Public Opinion, 1934—1946. Princeton 1951, p. 576; J. P. Frey Papers. Box 6. Frey to B. S. Pullen. August 16, 1937.

⁵² «New York Times», August 21, p. 1; August 24, p. 14; November 7, 1937.

⁵³ «Common Sense», March 1937, pp. 5—8; «New York Times», August 21, p. 1; August 28, p. 3; September 4, 1937, p. 1.

политического движения рабочих, фермеров и демократически настроенных средних слоев на антимонополистической платформе, направленной против реальной угрозы наступления крайней реакции⁵⁴. Трения между профсоюзами и администрацией усилились, когда стала очевидной неэффективность мер, предпринятых Рузвельтом в попытке справиться с экономическим спадом 1937—1939 годов⁵⁵. Выступая от имени руководства КПП на съезде союза швейников, Д. Льюис намекнул на намерение организовать под знаменем КПП армию безработных, занятых на общественных работах в рамках NRA (администрация общественных работ). В той же речи он подчеркнул необходимость «возрастающего участия рабочего движения в политике»⁵⁶. Обещания лидера КПП хотя и остались невыполненными, но так или иначе отражали практическую тенденцию.

Все это, вместе взятое, и в первую очередь размах массового рабочего движения, крепнущие тенденции к созданию независимой от буржуазных партий политической организации, усиливавшиеся в связи с приближением выборов 1940 г., заставило Рузвельта и его сторонников в конгрессе возобновить кампанию в защиту прорабочих законопроектов⁵⁷. После политического зондажа 1937—1938 гг. правительство Рузвельта вновь начало «забирать» влево. Изобличения монополий чередовались с мерами по расширению общественных работ и поддержке мелких и средних фермеров. Но самым серьезным шагом была поддержка Рузвельтом законопроекта о минимуме заработной платы и максимуме продолжительности рабочего времени. Уступка рабочему движению, сделанная Рузвельтом, обеспечила демократам успех на выборах 1940 г.: один за другим профсоюзы КПП и АФТ заявляли о своей приверженности «новому курсу». Однако Рузвельта не покидало убеждение, что в сложной внутренней и международной обстановке, накануне вступления США в войну, любой политический выигрыш противников «нового курса» и реакционных кругов капитала, группировавшихся вокруг республиканской партии, в конечном счете увеличит опасность дальнейшего полевения масс. Частичный успех республиканцев на выборах в конгресс 1938 г. привел Рузвельта к выводу о необходимости «вернуться к тактике 1930, 1931 и 1932 гг.», то есть вновь апеллировать к трудящимся массам⁵⁸. В который раз лидер «просвещенной буржуазии», защищая свой класс, вынужден был искать опоры у его антагониста.

Чем ближе к выборам 1940 г., тем яснее представлялся Рузвельту общий план действий. «Нам следует подходить к приближающемуся съезду (демократической партии.— В. М.), имея в виду следующие соображения,— писал Рузвельт в марте 1940 г.— Прежде всего мы должны

⁵⁴ N. Thomas Papers. Box 26. D. Lasser to N. Thomas. September 22, 1937.

⁵⁵ Критика «нового курса» слева по вопросам экономической политики усилилась на страницах либеральных журналов «Nation», «New Republic», «Christian Century» и др., отражавших часто и мнение профсоюзов. Кабинет вынужден был считаться с этой критикой, как отмечали впоследствии коллеги Рузвельта и его советники. См. J. A. Farley. Jin Farley's Story: The Roosevelt Years. New York, 1948, pp. 91—150; H. L. Ickes. The Secret Diary of Harold L. Ickes. New York, 1953—1954. Vol. II, pp. 260—340; F. Perkins. The Roosevelt I Knew. New York, 1946, p. 302; S. I. Rosenman. Working with Roosevelt. New York, 1952, pp. 169, 181.

⁵⁶ «ACWA Documented History». Atlantic City, 1938, pp. 163, 291—292.

⁵⁷ По мнению Рузвельта, активность мелкобуржуазных демократов, сколачивавших на левом фланге коалиции «нового курса» широкий блок сторонников более радикальной программы под лозунгом создания третьей партии, ставила под удар успех демократов на выборах 1940 г. (см. H. Ickes. Secret Diary. Vol. II, p. 379). Некоторое время неясно было, какую позицию займут профсоюзы по отношению к созданной лидерами этого течения в 1938 г. национально-прогрессивной партии Америки. Даже в республиканской партии возникали проекты завоевать поддержку трудящихся путем создания третьей партии во главе с популярным либерально-демократическим лидером, вроде мэра Нью-Йорка Ф. Ла-Гардия. (New York City Archives, F. H. La Guardia Personal. Location 2675. E. M. Elliott to La Guardia. March 24, 1938).

⁵⁸ «F. D. Roosevelt. His Personal Letters, 1928—1945». Vol. II, p. 836.

стремиться выработать платформу прогрессивного либерализма, выдвигаемые кандидаты должны быть добросовестными прогрессивными либералами, а не просто болтунами»⁵⁹. В полном соответствии с этой политической установкой Рузвельт не поддержал попытки реакционеров раздуть антикоммунистическую истерию, обвинения компартии в шпионаже, саботаже и прочих преступлениях. Рузвельт отверг эти домогательства и откровенно усомнился в том, насколько подобная мера «соответствует принципу защиты прав граждан демократии»⁶⁰.

То обстоятельство, что Рузвельт в своих публичных речах солидаризировался с требованиями обуздать власть монополий, его резкое выступление по этому поводу в апреле 1938 г. укрепило репутацию «нового курса» среди рабочих, мелкой и средней буржуазии, одновременно вызвав взрыв ярости у «принцев экономики». «Концентрированное богатство (монополии.— В. М.),— писал министр внутренних дел Г. Икес полковнику Р. Робинсу в августе 1939 г.,— собирается нанести поражение Рузвельту, если оно сможет, даже ценой национальной катастрофы»⁶¹.

Годы «нового курса» отмечены огромным подъемом активности рабочего класса. Это обстоятельство послужило многим буржуазным историкам (Ф. Тафт, У. Гейленсон, Р. Ф. Даллес и др.) основанием для утверждений, что Рузвельт «развязал» энергию рабочих и их организаций, узаконив профсоюзы и превратив федеральное правительство в гаранта права рабочих на свободу ассоциаций и легальных форм борьбы за улучшение жизненных условий. Либерализация внутривластной обстановки в стране в первое время и самих рабочих серьезно укрепила во мнении, что новая администрация непредвзято и на основе полного демократизма готова отнестись к такой традиционной форме экономической борьбы, как забастовки. Рабочие полагали, что их право на защиту экономических интересов в рамках промышленного кодекса, зафиксированного как общенациональный закон, является само собой разумеющимся и абсолютно естественным. Добившись торжественного признания за собой права на уничтожение конкуренции через ассоциации «по собственному выбору», рабочие не могли, не отказавшись от всего своего движения, допустить, чтобы эти ассоциации как контрагенты капитала были лишены главного оружия в переговорах с работодателями об условиях найма в определенных кодексами пределах. Такой исход был нелепым и ничем не оправданным. Но именно это и было выдвинуто правительством Рузвельта в качестве важнейшего условия успеха «программы восстановления»⁶².

Идея нежелательности стачек являлась органической частью вводившейся Рузвельтом системы посредничества и примирения. Буржуазному государству в годы «нового курса», Ф. Рузвельту, «рабочим экспертам» в его окружении принадлежала самая деятельная роль в пропаганде лозунга о «классовом братстве». Почва для восприятия этих идей среди «рабочих вождей» гомперсовского толка была подготовлена, ибо так называемый деловой тред-юнионизм АФТ всегда исходил из общности своих идеологических и этических взглядов с буржуазией. Путь к сотрудничеству с профсоюзами для буржуазного государства как «третьей силы» окончательно можно было считать расчищенным, когда в 1932—1933 гг. АФТ совершила поворот от традиционной философии «волюнтаризма» (то есть отрицания за государством права вмешательства в трудовые отношения), сочетавшейся с официальным признанием принципа

⁵⁹ Ibid., p. 1012.

⁶⁰ Th. H. Greer. Op. cit., p. 41.

⁶¹ R. Robins Papers. Box 28. H. Ickes to Robins. August 5, 1939.

⁶² «New York Times», October, 11, 1933.

политического абсентеизма, к утверждению необходимости «сбалансирования основных сил экономического развития» под контролем и при содействии государства. Значительно менее восприимчивыми к идее «равного партнерства» (то есть классового сотрудничества), а зачастую и просто враждебными оказались хозяева корпораций. В этих условиях, лучше сознавая нужды социального развития с точки зрения общенациональных интересов буржуазии, государство вынуждено было как бы навязать капиталу свою линию в отношении профсоюзов и правительственного арбитража в трудовых конфликтах. Рузвельт стремился убедить капиталистов в том, во что он сам уверовал: если они хотят выжить, то должны быть готовы расходувать значительно большую часть общественного продукта, чем прежде, на нужды «политической иммунизации». Волей-неволей правительство «нового курса» было вынуждено кое в чем притеснять капитал, заставляя его во имя собственных интересов пойти на уступки трудящимся. Облечившись в одежды патриархального благодетеля всех классов, «новый курс» не мог дать одному, не отнимая у другого. В результате — яростный вой ущемленных монополий и широкое распространение легенды о надклассовости буржуазного государства, его нейтралитете. Но если монополистический капитал с течением времени изменил свою позицию, осознав истинный смысл реформ «нового курса», то идеалистические представления широких народных масс о роли буржуазного государства оказались куда более устойчивыми.

В условиях резкого обострения классовой борьбы, усиливающегося воздействия притягательной силы социализма в лице СССР предпринимательский патернализм становился не только важным инструментом производства относительной прибавочной стоимости, но и основным средством воздействия на общественное самосознание рабочего класса в целом. Патерналистские мероприятия, внедряемые под флагом «социального партнерства», все в более широких масштабах стали вытеснять традиционную политику систематического подкармливания высшего слоя рабочих, рабочей аристократии. Правители Америки считали возможным и необходимым, вступив в столь напряженный период, «экономически и морально заинтересовать» более широкие круги рабочего класса. Практика «предпринимательской благотворительности» существовала и ранее. Даже сам термин «человеческие отношения» был известен задолго до того, как в конце 20-х годов группа американских психосоциологов во главе с Элтоном Мэйо провела ряд экспериментов, стремясь создать на капиталистическом предприятии такого рода условия, в которых стало бы возможным не только увеличение производительности труда, но также и культивирование у рабочего чувства лояльности к компании за счет профессиональной и классовой солидарности, покорности судьбе, желания стать «хорошим рабочим», готовым «верно» соблюдать «интересы предприятия». Но, как правило, в те времена капитал предпочитал другой метод — метод насилия, агрессивный курс на «открытую мастерскую», то есть изживание тред-юнионов путем закрытия предприятий для членов профсоюзов, всяческой дискриминации последних, увольнения и занесения в «черные списки», штрафов и, наконец, использования судебных ограничений предписаний по отношению к профсоюзам.

В стремлении привить рабочим иллюзии национальной общности интересов труда и капитала, их «равных прав» с предпринимателями правительство Рузвельта взяло на себя инициативу в пропаганде «новой» техники производственных отношений на предприятиях. Немало труда было положено на то, чтобы добиться изменения отношения предпринимателей к фабричному законодательству. На протяжении многих десятилетий частный капитал рассматривал рабочее законодательство как жуел, как проклятие, как незаконное вторжение государства в святая святых предпринимательства. Рузвельт постоянно указывал на то, что события могут принять опасный оборот, если реакция капиталистов оста-

нется неизменной и они по-прежнему будут придерживаться «неэтичной предпринимательской практики», по изящному выражению самого президента⁶³. Настойчиво и последовательно Национальное управление по трудовым отношениям (НУТО), созданное Рузвельтом в 1935 г., внушало капиталистам необходимость подальше запрягать свою ненависть к профсоюзам и приобрести внешний лоск, более отвечающий требованиям «морали» и ситуации. НУТО настаивало, чтобы предприниматели не прибегали к оскорбительным эпитетам, вроде «мошенники» и «паразиты», когда речь заходила о профсоюзных активистах, отказались от заявлений, характеризующих союзы как «воровские шайки», а рабочих, которые вступают в них, — «ворами», «бродягами», «висельниками» и «красными»⁶⁴. Мало-помалу гомперсистские тред-юнионы, еще недавно считавшиеся промышленниками сборищем заговорщиков, постепенно стали пользоваться их вниманием и даже покровительством как полезное средство для распространения среди рабочих здравых с точки зрения буржуазии экономических учений, идеологических верований и политических доктрин. Отдельные фирмы и корпорации стали даже обращаться в штаб-квартиру АФТ с просьбами направить на их предприятия лояльно настроенных к капиталу профорганизаторов⁶⁵.

С самого начала осуществления «нового курса» руководство министерства труда строило свою деятельность на основе принципа компромисса. Еще не вступив формально в должность, Ф. Перкинс писала сенатору М. Тайдингу: «Наш небольшой аппарат состоит из посредников, специально подготовленных и имеющих большой опыт в осуществлении контактов между рабочими и администрацией в промышленности. Таким образом, они обладают всеми необходимыми качествами для того, чтобы содействовать дружескому урегулированию стачек и других конфликтных дел в промышленности»⁶⁶. Все было подчинено пропаганде нового подхода к рабочему не только как к фактору производства, но и как к «личности». Вмешательство буржуазного государства в область материальных общественных отношений между трудом и капиталом, усовершенствование техники и разветвление системы государственного арбитража и посредничества были рассчитаны на замораживание активности рядовых членов организованного рабочего движения. Правительство явно ставило перед собой цель закрепить такое положение, при котором основная процедура по разрешению трудовых конфликтов происходит за столом согласительных комиссий.

Буржуазное реформаторство как побочный результат классовой борьбы имеет двойственный характер. Оно означает известный шаг к лучшему и в то же время преследует цель ослабить борьбу масс. В США этот двойственный характер буржуазного реформаторства никогда так ярко не проявлялся, как в годы президентства Рузвельта. «Новый курс» способствовал преодолению экономических трудностей и отдалил взрыв стихийного возмущения трудящихся масс.

И все же «новый курс» не смог погасить энергию рабочего класса. Накануне второй мировой войны его борьба достигла наивысшей точки подъема. Рабочее движение не поддавалось искушению остановиться на достигнутом и, используя благоприятные возможности, продолжало идти вперед, отвоевывая у буржуазии все новые и новые позиции. Война прервала этот процесс.

⁶³ «Nothing to Fear», p. 65.

⁶⁴ «Third NLRB Annual Report, 1939». Washington, 1939, pp. 59—60.

⁶⁵ J. P. Frey Papers. Container № 6. R. B. Wilson to Frey, January 21, 1931.

⁶⁶ NA. General Records of the Department of Labor. 167/2121—167/2193. F. Perkins to Sen. Millard B. Tydings. February 2, 1933.